

Newsgroups: ukr.politics
From: "Chytach Novyn" <chytach@shliakhy.kiev.ua>
Subject: Гетьман Павло Скоропадський. Спомини (уривок; російською мовою)
Reply-To: chytach@shliakhy.kiev.ua
X-Return-Path: shliakhy.kiev.ua!chytach@shliakhy.kiev.ua
Sender: news-server@elvisti.kiev.ua
Lines: 234
Organization: Shliakhy InfoCenter
Message-ID: <AA8Dnqpi34@shliakhy.kiev.ua>
Date: Mon, 21 Jul 1997 07:44:08 GMT

Гетьман
ПАВЛО СКОРОПАДСЬКИЙ
В О С П О М И Н А Н И Я
Текст за публікацією: "Ї" (Львів), #6, с.30-35

Записывая мои впечатления, я не особенно считаюсь с тем, как будут судить меня мои современники, и делаю это не для того, чтобы входить с ними в полемику. Я нахожу необходимым правдиво записать все, что касается моей деятельности за период с конца 1917 года по январь 1919 года. (...)

Прежде чем начать пересказ всего мною пережитого в эту интересную эпоху, я не могу остановиться на одном факте, который меня сильно поражал и которому до сих пор я не могу дать точного определения. Как это могло случиться, что среди всех окружавших меня людей за время, особенно моего гетманства, было так мало лиц, которые в вопросе о том, как мыслить Украину, которую мы создавали, мыслили ее так как я. Было два течения как в социальных, так и в национальных вопросах, оба крайние, ни с тем ни с другим я не мог согласиться и держался середины. Это трагично для меня, но это так, и, несомненно, это способствовало тому, что я рано или поздно должен был или всех убедить идти за мной, или же уйти. Последнее и случилось: оно логично не должно было произойти теперь, а случилось из-за грубой ошибки Entente. Исполни они мое желание, т.е. пришли они своего представителя в Киев, лишь бы видели, что меня фактически поддерживает Entente, этого не произошло бы, и, я думаю задача восстановления порядка не только в Украине, но и в бывшей России тем самым была бы значительно облегчена. Теперь же я не хочу быть пророком, но не вижу, каким образом можно добиться в этой стране давно всеми желанного правового порядка.

Благодаря моему деду и отцу, семейным традициям, Петру Яковичу Дорошенко, Василию Петровичу Горленко, Новицкому и другим, несмотря на свою службу в Петрограде, я постоянно занимался историей Малороссии, всегда страстно любил Украину не только как страну с тучными полями, с прекрасным климатом, но и со славным историческим прошлым, с людьми, вся идеология которых разнится от московской; но тут разница между мною и украинскими кругами та, что последние, любя Украину, ненавидят Россию; у меня этой ненависти нет. Во всяком гнете, который так резко был проявлен Россией по отношению ко всему украинскому, нельзя обвинить русский народ; это была система правления; народ в этом не принимал никакого участия; поэтому мне и казалось, да и кажется до сих пор, что для России единой никакой опасности не представляет федеративное устройство, где бы всякая

составная часть могла бы свободно развиваться: в частности на Украине существовали бы две параллельные культуры, когда все особенности украинского мирозерцания могли бы свободно развиваться и достигать известного высокого уровня; если же все украинство – мыльный пузырь, то оно само собою просто было бы сведено на нет.

Я люблю русский язык, украинцы его терпеть не могут; по крайней мере делают вид, что не любят его; я люблю среднюю Россию, Московщину – они находят, что эта страна отвратительна; я верю в великое будущее России, если только она переустроится на новых началах, где бы все части ее в решении вопросов имели бы одинаковый голос и где бы не было того, как теперь, например, когда в Москве в известных кругах смотрят на Украину, как хозяин смотрит на работника; украинцы этому будущему не верят и т.д. и т.д. Нет ни одного пункта, в котором я бы в этих вопросах с ними сходилась.

С другой стороны великорусские круги на Украине невыносимы, особенно теперь, когда за время моего гетманства туда собралась чуть ли не вся интеллигентная Россия: все прятались под мое крыло и, до комичности жалко, что эти же самые люди рубили сук, на котором сидели, стараясь подорвать мое значение вместо того, чтобы укрепить его, и дошли до того, что меня свалили. Это особенно ясно будет видно при дальнейшем изложении фактов: великорусские интеллигентные круги были одним из главных факторов моего свержения.

Эти великороссы совершенно не понимали духа украинства. Простое объяснение, что это все вздор, что выдумали украинство немцы и австрийцы ради ослабления России, – неверно. Вот факт: стоило только центральному русскому правительству ослабнуть, как немедленно со всех сторон появились украинцы, быстро захватывая все более широкие круги среди народа. Я прекрасно знаю класс нашей мелкой интеллигенции. Она всегда увлекалась украинством; все мелкие управляющие, конторщики, телеграфисты всегда говорили по-украински, получали "Раду", увлекались Шевченко, а этот класс наиболее близок к народу. Сельские священники в заботах о насущном пропитании своей многочисленной семьи под влиянием высшего духовенства, которое до сих пор лишь за малым исключением все великорусское (московского направления), не высказываются определенно. Но если поискать, то у каждого из них найдется украинская книжка и скрытая мечта осуществления Украины. Поэтому, когда великороссы говорят: украинства нет, то сильно ошибаются, и немцы и австрийцы тут ни при чем, т.е. в основе они ни при чем.

Конечно, общение с Галицией имело громадное значение для усиления украинской идеи среди некоторых кругов. Но это общение произошло естественно: тут ни подкуп, ни агитация не имели существенного значения. Просто люди обращались во Львов, т.к. отношение ко всему украинскому в этом городе было свободно. Естественно, что со временем за это украинство ухватились и австрийское правительство и немецкое, но я лично убежден, что украинство жило среди народа, а эти правительства лишь способствовали его развитию, поэтому мнение великороссов, что украинства нет, что оно искусственно создано нашими бывшими врагами, – неверно. Точно так же неверно, что к украинству народ не льнет, народ страшно быстро его воспринимает без всякой пристегнутой к нему социальной идеи. Великороссы говорят: народ не хочет Украины, но воспринимает ее потому, что украинские деятели вместе с украинством сулят этому народу всякие социальные блага, поэтому народ из-за социальных обещаний льнет к украинству. Это тоже неверно: в народе

есть любовь ко всему своему, украинскому, но он не верит пока в возможность достижения этих желаний; он еще не разубежден в том, что украинство не есть нечто низшее. Это последнее столетиями вдалбливалось ему в голову, и поэтому у него нет еще народной гордости, и, конечно, всякий украинец, повысившись в силу того или другого условия по общественной лестнице из народа, немедленно переделывался в великоросса со всеми его положительными и отрицательными качествами. Великороссы совершенно не признают украинского языка, они говорят: "Вот язык, на котором говорят в деревне крестьяне, мы понимаем, а литературного украинского языка нет. Это - галицийское наречие, которое нам не нужно, оно безобразно, это набор немецких, французских и польских слов, приносивших к украинскому языку". Бесспорно, что некоторые галичане говорят и пишут на своем языке; безусловно верно, что в некоторых министерствах было много этих галичан, которые досаждали публике своим наречием, но верно и то, что литературный украинский язык существует, хотя в некоторых специальных вопросах он и не развит. Я вполне согласен, что, например, в судопроизводстве, где требуется точность, этот язык нуждается в еще большем развитии, но это частности. Вообще же это возмутительно-презрительное отношение к украинскому языку основано исключительно на невежестве, на полном незнании и нежелании знать украинскую литературу.

Великороссы говорят: "Никакой Украины не будет", а я говорю: "Что бы то ни было, Украина в той или иной форме будет. Не заставишь реку идти вспять, так же и с народом, его не заставишь отказаться от его идеалов. Теперь мы живем во времена, когда одними штыками ничего не сделаешь". Великороссы никак этого понять не хотели и говорили: "Все это оперетка", - и довели до Директории с шовинистическим украинством со всей его нетерпимостью и ненавистью к России, с радикальным поведением, насаждением украинского языка и, вдобавок ко всему этому, с крайними социальными лозунгами. Только кучка людей из великороссов искренне признавала федерацию [Гетьман Павло Скоропадський на цьому етапі своєї політичної кар'єри, а цей фрагмент спогадів датований 1919 роком, відстоював федералістські стосунки України та Росії - прим. редакції]; остальные из вежливости говорили мне: "Федерация, да!", но тут же решительно делали все для того, чтобы помину от Украины не было.

Затем в области социальных реформ среди великороссов господствует полнейшее непонимание. Кстати, к великороссам я отношу весь наш помещичий класс, т.е. и малороссов, поскольку у них одно и то же мировоззрение. Наш украинец - индивидуалист, никакой социализации ему не нужно. Он решительно против этого. Русские левые круги навязывают свои программы, которые к Украине неприменимы. Я всегда считал, что украинское движение уже хорошо тем, что оно проникнуто сильным национальным чувством, что, играя на этих струнах, можно легче всего спасти народ от большевизма. (...)

Для меня понятно отношение великорусских кругов к моим начинаниям: они не хотели Украины и думали, что целиком можно вернуться к старому, а я хотел Украину, не враждебную Великороссии, а братскую, где все украинские стремления находили бы себе выход. (...)

Украинские влиятельные круги - главным образом социалистические (...). Социалистические элементы на Украине - значительно умереннее великорусских. В этом отношении их социализм умеряется действительно сильным национальным чувством. Интеграционализма великорусского нет,

и, конечно, на этой почве, если высшие классы к ним прислушались бы, не поддаваясь им, а помогая мне создавать действительную силу, можно было бы найти путь к соглашению. У украинцев ужасная черта – нетерпимость и желание добиться всего сразу; в этом отношении меня не удивит, если они решительно провалятся. Кто желает все сразу, тот в конце концов ничего не получает. Мне постоянно приходилось говорить им об этом, но это для них неприемлемо. Например с языком: они считают, что русский язык необходимо совершенно вытеснить. Помню, как пришлось потратить много слов для депутации, которая настаивала на украинизации университета Св.Владимира. Причем интеллигенции на Украине почти нет: все это полуинтеллигенты. Если они, т.е. Директория, не образумятся и снова выгонят всех русских чиновников и посадят туда всех своих безграмотных молодых людей, то из этого выйдет хаос, не лучше того, что было при Центральной Раде. Когда я говорил украинцам: "Подождите, не торопитесь, создайте свою интеллигенцию, своих специалистов по всем отраслям государственного управления", они сейчас же вставали на дыбы и говорили: "Це неможливо".

Верно, эта обстановка, счастливо сложившаяся для украинского движения, вскружила всем этим украинским деятелям голову, и они закусили удила, но я думаю, что не надолго. Галичане интеллигентнее, но, к сожалению, их культура из-за исторических причин слишком разнится от нашей.

Затем, среди них много узких фанатиков, в особенности в смысле исповедания идеи ненависти к России. Вот такого рода галичане и были лучшими агитаторами, посылаемыми нам австрийцами. Для них неважно, что Украина без Великороссии задохнется, что ее промышленность никогда не разовьется, что она всецело будет в руках иностранцев, что роль их Украины – быть населенной каким-то прозябающим селянством. (...)

С точки зрения социальной, галичане умереннее, они даже не социалисты, а просто очень демократично настроенные люди. В этом отношении они были бы нам очень полезны и умили бы пыл нашей интеллигенции, воспитанной в русских школах со всеми их отрицательными чертами. Но из-за этой ненависти к Великороссии мне приходилось много с ними бороться. Эта ненависть у них настолько сильна, что идеям большевизма, чего доброго, на Украине они будут перечить.

Почти вся промышленность и помещичья земля на Украине принадлежит великороссам, малороссам и полякам, отрицающим все украинское. Из-за ненависти к этим национальностям, очень может быть, галичане, а наши украинцы и подавно скажут, что большевизм им на пользу, так как он косвенно способствует вытеснению этих классов с Украины. (...)

Затем, есть еще одна черта, но это уже касается многих деятелей, – беспринципность, полное отсутствие благородства. Жаловались, что при старом режиме было воровство, но нельзя себе представить, во сколько раз оно увеличилось теперь, за время революции. Да дело и не в этом. Наполеон достигал великих результатов, имея в числе своих маршалов и других крупных сподвижников преизрядное количество мошенников.

Возвращаясь к вопросу разницы точек зрения великороссов и украинцев, я резюмирую: великороссы всех партий Украины не хотят. Правые круги почему-то видели во мне монархический принцип и поэтому несколько поддерживали меня. Я был им нужен как переходная ступень

от Центральной Рады к возврату старого режима. Российские либералы, будучи совершенно того же мнения относительно возврата к старому, в смысле единой России, видя во мне все же человека демократического образа мышления, относились ко мне, не скажу чтобы враждебно, нет, скорее благосклонно. но без всякого единодушия, без всякой активности.

Украинцы вначале поддерживали меня, думая, что я пойду с ними полностью и приму всю их галицийскую ориентацию. Но я с ними не согласился, и они, в особенности в последнее время, резко пошли против меня. (...)

Признавая две параллельные культуры, как глава государства я старался относиться к обоим лагерям совершенно беспристрастно и объективно. Я глубоко верю, что только такая Украина жизнenna, (...) что все остальные точки зрения суть, с одной стороны, не более и не менее как революционная накипь, с другой - старый русский правительственный взгляд, теперь уже отживший: "Держать и не пущать". (...)

Я глубоко верю, что если бы люди были искренни и хоть немного отрешились от собственных личных интересов, если бы было больше доверия друг к другу, мои мысли по этому вопросу, проведенные в жизнь. могли бы примирить всех. Я глубоко верю, что эта точка зрения в конце концов возьмет верх (...)

Примітка. Скорочення тексту в уривку споминів - редакції журналу "ї".